

Заметки об экономической стратегии

Д. Белоусов

1. Российская экономика в 2023 г. – стартовые позиции

1.1. В текущем и среднесрочном аспектах

Развитие российской экономики в период жесткой экономической конфронтации с «объединённым Западом» дало целый ряд уроков, которые позволили по-новому увидеть и саму российскую экономику, и оценку перспектив и противоречий ее развития в будущем.

С одной стороны, наша экономика в целом довольно быстро и на удивление «малой кровью» адаптировалась к введенным против нас системным экономическим санкциям, к самой ситуации СВО (частичная мобилизация, отъезд части экономически и технологически активного населения). В прошлом году спад ВВП составил ничтожные по сравнению с масштабами санкций 2.1%. Товарооборот в реальном выражении упал на 6.7%. А инвестиции даже возросли на 4.6%. На фоне явной дестабилизации всей системы внешнеэкономических связей обменный курс немного укрепился.

Но есть, как говорится, нюансы.

В среднесрочном аспекте, в последние годы экономическое развитие базировалось, по большому счёту, на трех «больших идеях».

1. Перераспределение экспортной ренты от вывоза углеводородов, как основного ресурса экономической политики, причем, и политики стабилизации (формирования резервов разных типов, противодействие бедности), и политики развития (капитализация институтов развития, прямая бюджетная поддержка отдельных отраслей и научно-технической деятельности).
2. Активная включенность в мировые технологические рынки – главным образом, в качестве импортера. При этом, конкурентоспособность

русской продукции – и на внутреннем, и на внешнем рынке – обеспечивалась, в значительной мере, масштабным импортом сырья, комплектующих (включая электронные компоненты), отдельных узлов и агрегатов. Так, в целом наблюдалась тенденция «чем выше экспорт продукции средне- или высокотехнологических отраслей, тем выше и их импорт» (см. Рисунок 1).

Если убрать добычу полезных ископаемых и нефтепереработку, то у остальных действовало правило: «чем больше ты экспортируешь, тем больше ты импортируешь». Потому что во-первых, импортные решения эффективнее наших, а во-вторых, потому что сформировались соответствующие стандарты рынка. Сталкивались даже на уровне работы компаниями с ситуациями, когда есть русское ИКТ-решение лучше, но приобреталось импортное: нас не поймут внутренние инвесторы, что вы пользуетесь какой-то русской этой самой вместо всемирно известной вот этой, хоть на и хуже. Зато всемирно известна.

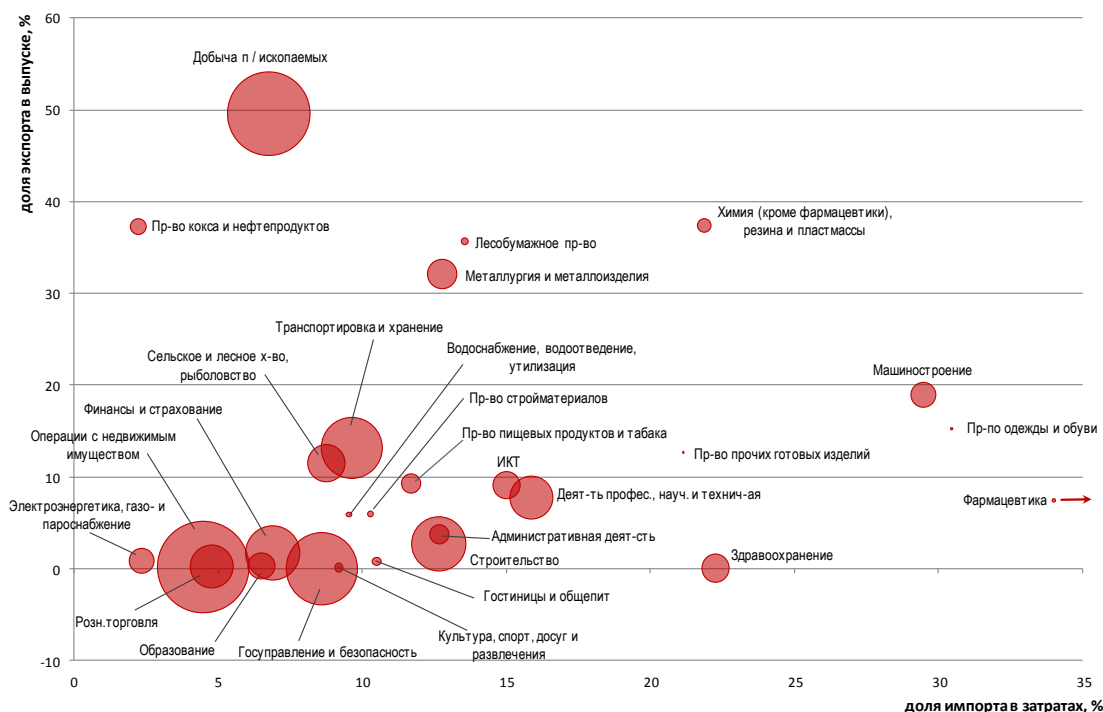

Рисунок 1. Соотношение экспорто-ориентированности и импортозависимости важнейших секторов

Одновременно сложилась, по большому счету, тупиковая, модель самофинансирования инвестиций в основной капитал. Концентрация финансирования инвестиций на собственных средствах постоянно усиливалась (их доля возросла с 37% в 2009 до 53-55% в 2018-2022 гг.).

За последние 10 лет произошло вытеснение банковского кредитования развитием за счет собственных средств, что и стало одним из ключевых факторов перехода на модель простого воспроизводства в ряде отраслей. Так как собственные средства сосредоточены в сырьевых отраслях и в секторах с высокой скоростью оборота, ориентированных на потребительский рынок. последние года три мы еще это за вами. В итоге, сама структура инвестиций закрепляет сложившуюся воспроизводственную модель, с концентрацией инвестиций в высокодоходных секторах с ограниченным потенциалом выпуска (рентные сектора) и / или в высокооборотных секторах. У кого прибыль, у того инвестиции. Соответственно, у того и развитие. А прибыль в этой сужающейся воспроизводственной конструкции – у узкого круга рентных отраслей.

За последние 10 лет большая часть инвестиций - добыча полезных ископаемых, а также оптовая торговля и ряд видов коммерческих услуг.

Достаточно большой объем инвестиций – это крупные проекты в металлургии, ориентированные на экспорт.

В строительстве серьезную поддержку инвестиционной активности оказала реализация крупных проектов. Развитие рынка ипотеки поддерживало жилищное строительство. За строительством потянулись смежные производства строительных материалов и т.д.

В гораздо худшей ситуации оказалось производство машин и оборудования. В этом секторе отмечался явный дефицит инвестиционных ресурсов и низкие темпы обновления основного капитала.

В значительной степени в экономике отсутствует перелив капитала. Проблема также состоит в том, что в том что при сложившейся этой модели с довольно высокими процентными ставками инвестиции в основной капитал становятся бессмысленным для широкого спектра промышленных отраслей.

При этом, попытки компенсировать означенный перекося через рост госинвестиций – имеет явно ограниченную успешность.

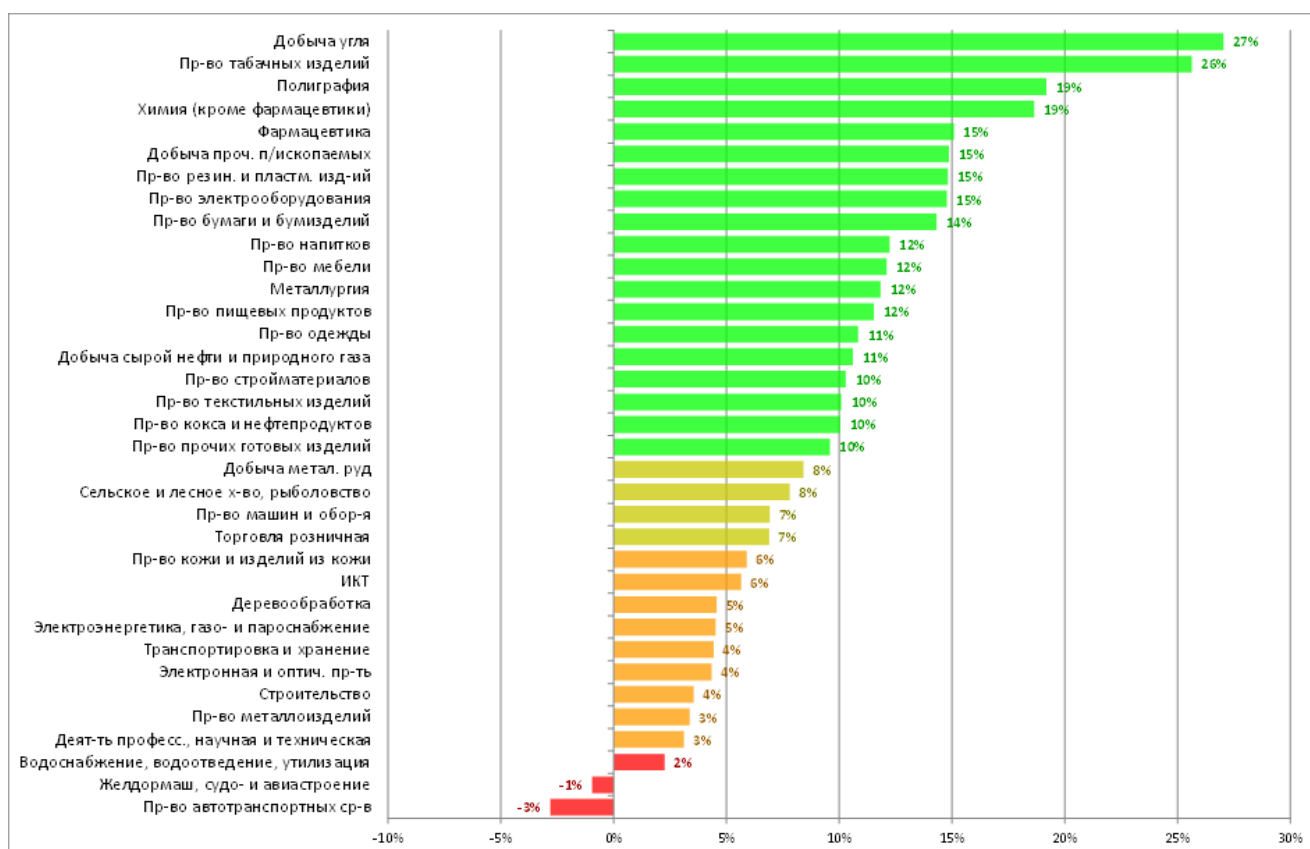

Рисунок 2. Рентабельность активов, 2022

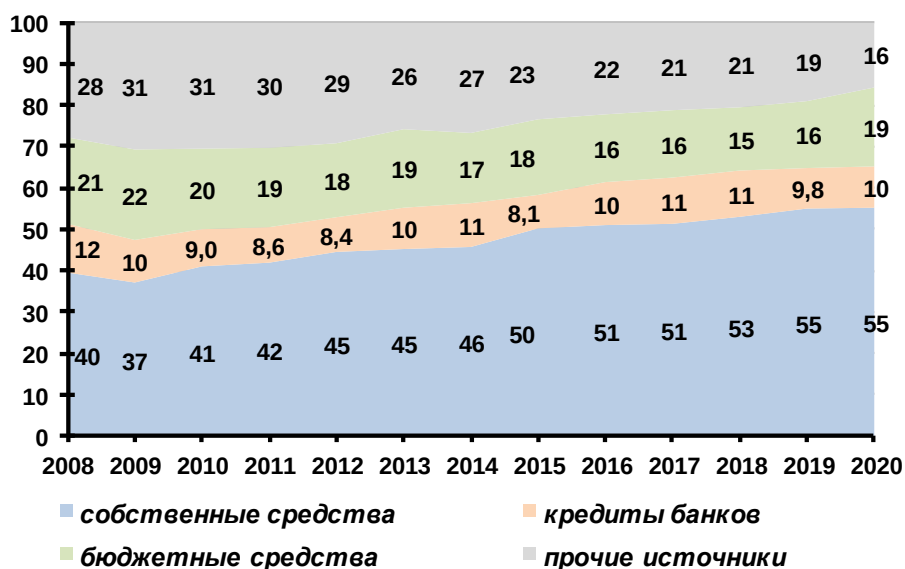

Рисунок 3. Структура частных инвестиций в основной капитал, (%)

3. Императивом экономической политики была социальная стабилизация, понимаемая как недопущение разрастание зоны крайней нищеты и, одновременно, скачка безработицы.

Для России было характерно сочетание умеренной безработицы, низкой (примерно на четверть по отношению к промышленным странам Восточной Европы, в первую очередь Чехии и Польши) производительности труда и низкой (примерно на ту же четверть) оплаты труда. В итоге, сложился замкнутый круг: избыточная занятость – низкие зарплаты (чтобы удержать издержки) – бедность и недопотребление. Его в значительной мере и балансировал приток природной ренты.

Труд слишком дешев, чтобы замещаться роботами, соответственно, относительно низкопроизводителен – и от этого, в свою очередь, дешев. Это - замкнутый круг.

В России в 2020 г. было 5 роботов на 10000 занятых в промышленности, при том, что среднее в мире количество – 126 роботов на 10000 (отметим, что Китай намерен выйти на уровень развитых стран - на 300+ роботов на 10000 занятых).

Дополнительной проблемой становится начавшееся еще в 2010-х годах и усилившееся на фоне технологических санкций, формирование «экономики бедных», под низкий спрос, простую продукцию (характерный пример – «антикризисные» Лады без подушек безопасности) / услуги и низкие цены. Проблема в том, что эта «экономика», похоже, начинает замыкаться в себе, обеспечивая занятым (пока) почти гарантированные, но низкие доходы, простое и «низкокачественное» потребление, их детям – лишь ограниченные возможности получить высококачественное образование и выйти из социального тупика.

1.2. В долгосрочном аспекте

Стратегически, главное, что произошло за последнее время, что у нас завершена волна попытки внешней капитализации развития.

Нам удалось в ходе встраивания в мировую экономику, международные институты, в производственно-технологические цепочки создать целые сектора и отрасли экономики типа ИКТ, причем сразу в современных бизнес-стандартах.

В значительной мере создать современную логистику, вполне конкурентоспособную на мировом уровне, создать экспортно-ориентированное сельское хозяйство, в значительной мере модернизировать инфраструктуру и социальную психологию, и в плане возникновения молодых (при этом, отметим, патриотичных) предпринимателей, и в плане такого же, как в развитых странах, бума научно-популярной литературы.

во-первых, заключается в том, что конкурентоспособность на внешнем и внутреннем рынке определялась использованием стандартных, соответственно, импортируемых технических и технологических решений. Буквально чем больше и качественнее производим, в том числе для внутреннего рынка, тем больше мы импортируем.

Соответственно, второе – внешняя капитализация. Обязательно должен быть в крупном инвестиционном проекте внешний участник (пусть и

микроминоритарный), потому что это он скажет, какова у нас действительно капитализация, какие у нас риски, какова позиция на рынках. Соответственно, своего у нас, в общем, толком на эту тему не появилось. Пилотные опросы компаний, которые проводились в ИНП РАН показывают, что хорошо, если горизонт планирования у корпораций 5-7 лет, в том числе технологического. Поэтому у нас нет своей долгосрочной (и у бизнеса тоже) технологической политики. Технологические приоритеты

Отсюда же третья особенность нашей экономики - принципиальная разомкнутость циклов как технологического, так и инвестиционного развития. Инвестиционное развитие: длинные деньги желательно, чтобы были качественно реинвестированы через внешний мир. Отсюда – постоянный отток капитала за рубеж. Чистый отток капитала из реального сектора обладает удивительной устойчивостью и составляет на протяжении многих лет в среднем около 5% ВВП. Причем внешнеэкономические санкции и риски ареста зарубежных активов не остановили этот отток.

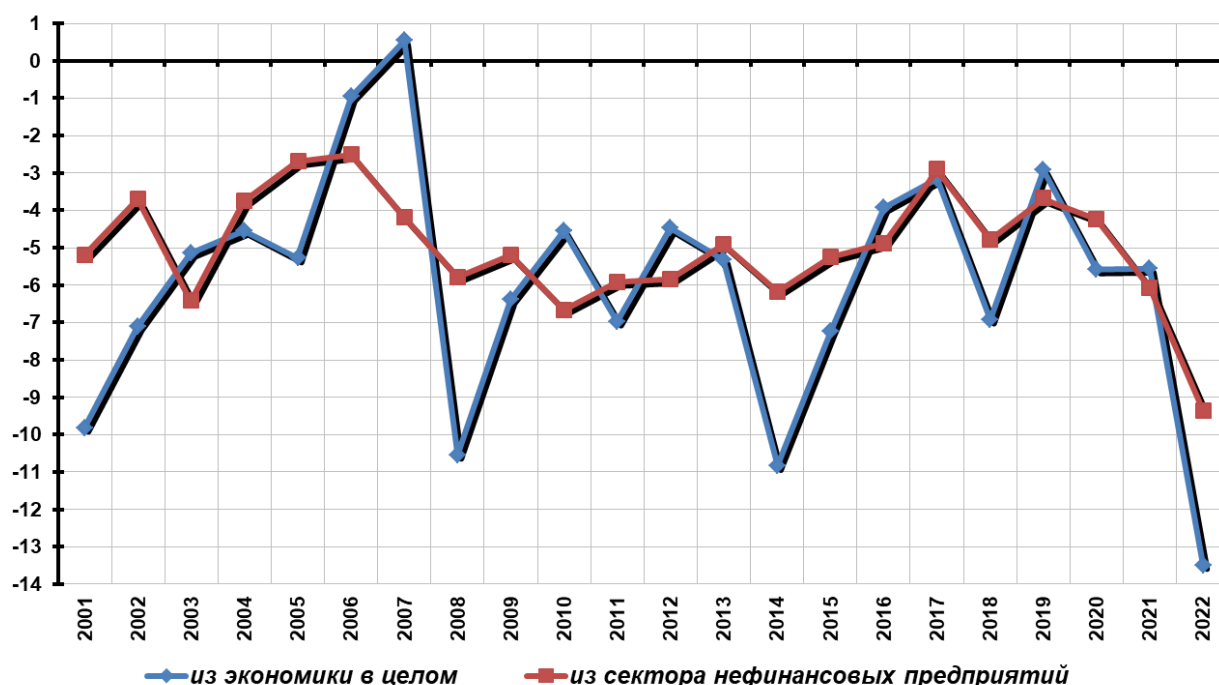

Рисунок 4. Чистый отток капитала с учетом сальдо инвестиционных доходов, в % к ВВП
(«+» – чистый приток, «-» – чистый отток)

Технологические: лучший успех для ученого – опубликоваться в зарубежном журнале, а для технологического предпринимателя – создать стартап в Калифорнии или Израиле. Шире, в России сложилась модель «разомкнутой инновационной системы»

Рисунок 5.

Отсюда же усиливается фрагментация экономики на, с одной стороны, экспортоориентированную экономику (плюс сектора с быстрым и оборотом капитала - торговля, ИКТ и др.), самовоспроизводящуюся за счет инвестиций, но имеющей ограниченный потенциал, - и «прочее». При этом в это «прочее» достаточно медленно проникают инновации, техническое перевооружение происходит замедленно и так далее. Отсюда проблемы с конкурентоспособностью российской – что только усиливает.

Эта же конструкция штука воспроизводила социальную дифференциацию – в меру причастности к получению и распределению ренты.

И, наконец, отсутствие долгосрочного целеполагания. Что мы фактически можем не создавать свои ценности и долгосрочное целеполагание, но только спроецировать на себя глобальную повестку. Будь то права человека, климат, технологии и так далее. Потому что долгосрочные инвестиционные и инновационные циклы разорваны и замкнуты «вовне».

Сейчас баланс, обеспечивавший функционирование российской экономики в 2000-2010х гг. по всей видимости, необратимо нарушен.

Из-за тектонических изменений на энергетических рынках, т.н. «глобального энергоперехода», поступление доходов от экспорта углеводородов, даже в самом лучшем случае – если санкции будут сняты уже в ближайшее время, а мировой экономический кризис не выйдет за рамки циклического – снизится минимум на 15% по отношению к уровню 2021 г. (см. Рисунок 6). А в худшем случае, если и «санкционная война» продлится, и глобальный кризис окажется глубоким и примет структурный характер – это сжатие может составить около трети.

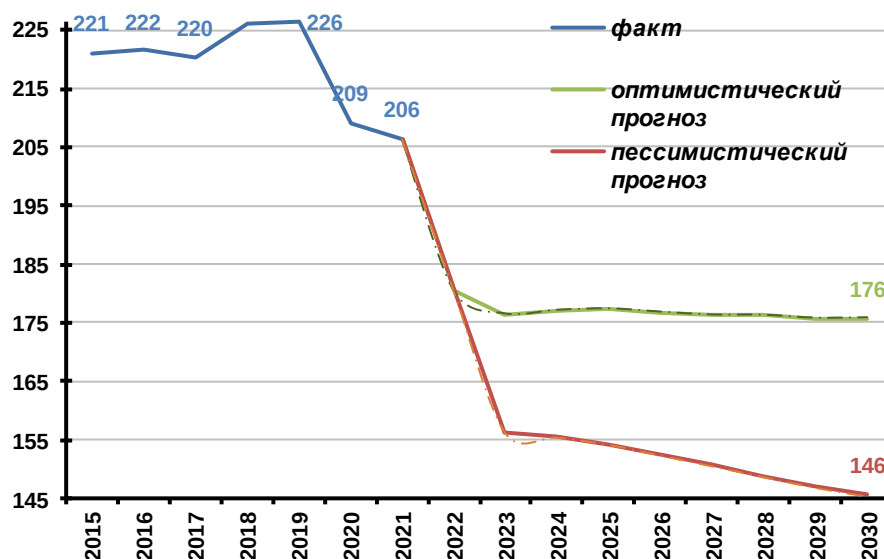

Рисунок 6. Экспорт нефти, газа и нефтепродуктов, млрд. долл. в ценах 2019 г.

Необходимость импортозамещения и замыкания критически важных производственных цепочек, предполагает активное субсидирование соответствующих технологий и бизнесов.

Наконец, технологическая модернизация массовых отраслей способна существенно (на 30-35%) снизить занятость в них. Это, безусловно, ликвидирует проблему дефицита труда, но потребует создания адекватной стратегии переобучения занятых (1-1.5 млн. чел. до 2030 г).

2. Глобальная экономика – темпы и пропорции

2.1. Общая характеристика

Если даже оставить в стороне риски, непосредственно связанные с СВО и «санкционными войнами», ряд ограничений нашего развития будут только усиливаться. А раз ограничения усиливаются – то и изменения в структуре и воспроизводстве экономики неизбежны.

К числу качественно новых глобальных вызовов можно отнести.

Первое. Мы оказываемся в ситуации кризиса глобальных институтов сил и конкуренции центров силы. Уровень геополитического противостояния останется высоким, подталкиваемый истощением старых экономических преимуществ и возрастанием напряженности между старыми и новыми «центрами силы».

Модель монополярного мироустройства, обеспечивавшего высокую динамику и стабильность глобальной экономики, базировалась на «оси» США-Китай (т.н. «ChiMerica»). Данная «ось» основывалась на трех балансах:

- избыток сбережений у Китая – рост долга в США;
- производство в Китае – потребление в США;
- сбережения в Китае – американские рынки долга – институты оценки риска США – инвестиционные проекты в Китае.

Теперь этот баланс необратимо нарушен, в основе чего:

- новая мощь и геополитический потенциал Китая;
- статус США как «вечного должника», к тому же нечестно разводящего требования на свои активы через QE – и тем самым проблематизирующего статус гаранта глобального экономического порядка;

- постарение населения в Китае – необходимость возврата «социального долга» населению, вздорожание рабочей силы в стране, рост налоговой нагрузки.

Восстановление прежнего баланса, если и возможно, то лишь в итоге стратегической договоренности Китая и США – включая доступ к технологическим активам, позиции в институтах глобальной экономики и для финансовой системы конкретно и т.д. В любом случае, это будет «какой-то» новый мир, а не реновация старого.

Как следствие формируется новая реальность, в которой все основные игроки идут по пути индустриализации / реиндустриализации национальных экономик и по пути технологической гонки. По разным причинам технологии становятся ключевым условием сохранения / захвата технологического лидерства для всех основных центров силы:

- Китай – «высокая индустриализация» с созданием собственной национальной инновационной системы полного цикла (приоритеты – ИКТ, новая энергетика, робототехника);

- США – реиндустриальный проект («новый хайтек» + часть машиностроения, химии, металлургия; самообеспечение по энергоресурсам);

- ЕС – «безуглеродная экономика», экономика «долгой жизни».

Разрушение глобального финансового баланса привело к «финансовому самообеспечению»: наращиванию долгов во всех основных развитых странах (Китай: долг более 300% ВВП и сосредоточен в плохо контролируемых региональных банках; американские проблемы с госдолгом), росту пузырей на новых технологических рынках.

Ставший возможными американо-китайский торговый конфликт резко усилил глобальные риски.

Ведущие страны мира ведут дело к новому перераспределению ролей и функций в глобальном разделении труда (четвертая промышленная революция).

Происходит трансформация глобального порядка – интеграция и дезинтеграция одновременно: производство, прикладная наука и сфера безопасности регионализуются, а финансовая и институциональная системы остаются глобальными.

Началось все это еще во время кризиса 2008-2010 гг., и процесс лишь нарастает.

Исчерпала себя система «тройного баланса», обеспечившего поступательную, моноцентрическую (по крайней мере, в логике И. Валлерстайна) глобализацию 1990-2000х годов:

- наука (частично ОКР) – в США, производство – в АТР
- производство и сбережения (покупка долга) – в АТР, потребление и наращивание долга – в США
- часть китайских сбережений трансформируется в «качественные» американские и европейские инвестиции обратно в Китай

Результатами этого исчерпания стал ряд решений, синхронно принятых в США и Китае:

В США – реиндустриальный проект («новый хайтек» + часть машиностроения, химии, металлургия; самообеспечение по энергоресурсам за счет энергоресурсов Канады, сланцевых углеводородов, возобновляемых источников энергии и, в перспективе, термоядерной энергетики).

В Китае – «высокая индустриализация» с созданием собственной национальной инновационной системы полного цикла (от прикладной и фундаментальной науки до высоко- и среднетехнологического производства) плюс постарение населения, потребовавшее перехода к «обществу среднего достатка» и т.н. «экономике двойной циркуляции», в значительной мере ориентированной на внутренний рынок;

В то же время, разрушение глобального финансового баланса привело к «финансовому самообеспечению»: наращиванию долгов во всех основных развитых странах (Китай: долг более 300% ВВП и сосредоточен в плохо контролируемых региональных банках; американские проблемы с госдолгом всем известны), росту пузырей на новых технологических рынках.

Ставший реальным американско-китайский торговый конфликт резко усилил глобальные риски.

В целом, налицо переход центра производства, доходов и потребления из развитого мира в развивающийся. С одной стороны, для нас это создает угрозу, особенно учитывая, что там дешевый труд, как фактор конкурентоспособности. Уровень конкуренции в мире будет только расти. Есть риск, что Китай (и новые, восходящие индустриальные страны Востока) будет занимать «наши» позиции на рынках – причем, просто «в силу вещей», совершенно независимых от политических отношений наших стран.

С другой стороны, в этой ситуации мы сами можем стать источником технологий, стать одним из лидеров новой волны развивающихся стран, потому что на наших глазах произошла не только индустриализация Юго-Восточной Азии, а происходит индустриализация Пакистана, Ирана, Египта, в Алжире.

Из Китая уже капитал уходит, в ряде случаев, в страны с меньшими затратами. И это, превращение Китая из страны, принимающей инвестиции в проекты в реальном секторе – в донора инвестиций и технологий для развивающихся стран. Это – перенос трудо- и энергоёмких производств из Китая в развивающийся мир, с одной стороны, позволяет снять ограничения со стороны труда и энергоресурсов для развития страны (наряду с роботизацией и развитием атомной энергетики и ВИЭ, конечно). С другой – формально знаменуют собой фактическую трансформацию Китая из развивающейся в развитую страну, со свойственными последним механизмами воспроизводства.

Новый фокус развития: пробуждение Востока. Очень похоже, что эта зона, сочетающая второй демографический переход, геополитические амбиции и, если говорить об Иране, цивилизационные изменения, очень похоже, что это будет некая новая Юго-Восточная Азия, ее аналог. При этом если с ЮВА, с АСЕАН отношения не банальные, то здесь у нас геополитическое отношение лучше, и они в нас заинтересованы наряду с Китаем как потенциалом.

Угроза: снижение относительной конкурентоспособности российской продукции в силу проникновения «высоких технологий» (в рамках переноса производственной базы) в страны с низкими затратами на труд (ср.: «индустриализация Африки»)

Возможность: кооперация с новыми индустриальными игроками (Азия, Африка и т.д.) для совместного технологического и экономического развития;

Для России работать в режиме сырьевой / «сборочной периферии» не получится, а вот в режиме разделения компетенций с новыми индустриальными странами – вполне.

Глобальные платформенные компании – цифровые среды и метавселенные – глобальные медиа - международная бюрократия – мировая наука

Центры силы, ядра суперэкономик, обладающие суверенитетом и контролирующие / воспроизводящие, источники сырья, юбки постоянных коопераций, в совокупности (вместе с партнерами) устойчиво контролирующие значимые доли мирового ВВП (USUKCANZ, Миттель-Европа, Китайская империя, Японо-корейская империя)

Суверенные «Производящие центры» второго порядка размерности – размер поменьше, специализация частичная, маневрируют между игроками (Россия, Индия, Иран,).

Супердоминионы (большой размер, какие-то критически значимые ресурсы, важная роль для кого-то из игроков, суверенитета нет) – Индонезия, Бразилия, Вьетнам, страны Персидского Залива

«Дальняя ресурсная» периферия (тесно завязаны на Центры силы; большинство стран Африки и Центральной Азии)

Мировой пролетариат - страны, не обладающие уникальными ресурсами и легко заменяемые в рамках разделения труда

«Пространство лишних» – вообще не имеющих постоянной легальной специализации. «Область тени», обычно беднейшие страны

Проблема суверенитета - место на карте и наличие ресурсов:

- некоторые из формально крупных «суперэкономик» по размеру не являются суверенными и не смогут, очевидно, удержать позицию лидера мировой экономики

- суверенитет тоже не удастся удержать без экономической power (и как мощи, и как власти).

Россия по характеристикам, в принципе, похожа на «центр силы второго эшелона».

Следует ожидать возникновения центра развития на Среднем Востоке (Турция, Иран, Пакистан – уже, Египет, Алжир, ОАЭ, возможно, КСА – на подходе). Это связано с действием следующих факторов:

Демографический переход. В странах Востока – «второй демографический переход»: рождаемость ещё высокая, но снижается, смертность уже низкая (есть инвестиционный потенциал и рабочая сила), урбанизация. Впереди – стабилизация населения и рост спроса на «городской» тип жизни. Отсюда – спрос на трудосберегающие (возможно, капиталоемкие) технологии, энергетические и экологические технологии.

Геополитика. Страны Востока оказались «выключены» из глобального распределения «геополитических призов» в индустриальную эпоху 1870-2020 гг.¹ При слабеющих «старых гегемонах» для новых игроков возникает пространство экспансии, требующее соответствующего силового обеспечения. Отсюда – необходимость силового обеспечения активной геополитики этих стран, спрос на технологии ИИ, военные, энергетические, финансовые.

Культурные основания. В исламских странах (во всяком случае, в странах шиитского Ислама) очень высокий статус приобретет «познание Творца через Творение». Это может воспроизвести ситуацию европейского начала Нового Времени (ср. «Наука – любимое дитя Церкви»).

Второе. В мире в основе конкурентной борьбы (и силового противостояния) существующих и только формирующихся «центров силы» – бурное технологическое развитие.

Прежде всего, речь идет о «технологической перестройке» развитых стран (теперь – и Китая), основанной на новейших цифровых решениях, в

¹ Начало периода маркируется франко-прусской войной 1870 г. – первой войной индустриальной эпохи, давшей странам-лидерам абсолютное превосходство (помимо собственно технологического, здесь работало и превосходство в организации, и в качестве человеческих ресурсов) над отставшими. Конец – противостоянием классической страны Ирана с американо-арабской коалицией в Йемене (с 2015 г.) и в ходе американо-иранского противостояния («острая фаза» - с 2019 г.). Впервые классическая страна Востока, развивавшаяся при этом «с опорой на собственные силы» оказалась способной на равных противостоять индустриальным лидерам.

том числе их приложениях к производству и транспорту – робототехнике и дронам, а также решениях в сфере энергетики, материаловедения, биомедицины. Существенно важно, что процесс намного шире, чем «всего лишь» формирование качественно новых высокотехнологичных секторов экономики. Одновременно – и это для нашей страны даже еще более важно – происходит комплексная модернизация традиционных, среднетехнологических производств, «облагораживание» как производственных процессов (кастомизация/индивидуализация продукции, оптимизация логистических процессов на базе «больших данных»), так и пользовательских товаров и услуг (кибер-ассистенты водителя / помощники врачей и т.д.).

Отражение этого процесса – диффузия высоких технологий предыдущего технологического уклада в развивающиеся страны с дешевыми факторами производства (прежде всего, трудовыми). То есть мы получим азиатские и африканские страны, работающие на станках с ЧПУ, с элементами кастомизации продукции, включенные в глобальный рынок, глобальное разделение труда и резкое изменение кастов. Причем при том, что мы за 90-е – начало нулевых, в значительной мере свой цикл индустриальный пропустили.

Эти два процесса означают резкое ухудшение условий конкуренции для российской продукции. С одной стороны – через формирование новых стандартов, как формальных, так и де-факто на сколько-нибудь развитых рынках («интернет всего», «интеллектуализация всего» и т.д.). С другой стороны – из-за усиления ценовой конкуренции на рынках, куда будут приходить товары из интенсивно модернизирующихся стран, для нашей страны будет сжиматься и ниша на «нетребовательных» рынках.

Третье. Возникает кризис глобальных институтов. Рост значимости «клубных» и двухсторонних договоренностей по сравнению с глобальными институтами, их кризис

Угрозы:

- общий рост нестабильности международных политических и экономических отношений
- формирование экономических и политических коалиций, как основа для роста конфликтности

Возможность: формирование «клубов» расчетов, взаимных инвестиций, оборота интеллектуальной собственности с дружественными и нейтральными странами. Эффективный «взлом» санкционных систем ограничений на этой базе;

Четвертое. Новая социальная конфликтность. Отчуждение, подчинение человеческого мышления машинному, стирание граней между мышлением и «психологически вынужденным автоматизмом». Массовый экзистенциальный кризис в мире пост-подлинности и управления мотивациями.

В принципе – это один из ключевых трендов нового периода, видимо. Мы сейчас встречаем первые проблемы, причем сразу полыхнуло по всему миру от арабских весен и Франции - до ковидных бунтов. То, что трудно было себе даже вообразить в 1980-е, даже в 1990-е годы. Процесс, скорее всего будет усиливаться, связанный с новыми формами отчуждения, к которым не готовы ни социальные, ни психологические структуры.

Угрозы:

- усиление социальной конфликтности, в том числе «молекулярной» и «антисистемной»
- новый луддизм, кибер-терроризм, рост затрат на кибер- и киберфизическую безопасность
- рост нагрузки по верификации подлинности / сконструированности информации
- рост числа и глубины неврозов, нагрузку на медицину и общество.

Ключевое социальное противоречие: Человек как субъект развития общества – и как объект приложения социальных технологий

Мы вступаем почти в столь же значимое время, как первая половина 20 века – которое надолго определит новый «порядок вещей». Как было в начале машинной эпохи, сегодня кто-то должен дать ответ на вопрос о месте человека в новом обществе и во взаимодействии с машинами, занимающими его место. Тот, кто его даст – получит влияние, превосходящее роль марксистского дискурса в XX веке

Пятое. Энергопереход во всех значимых мировых центрах силы. Риск резкого сжатия экспорта угля, нефти и газа – по крайней мере, странам – традиционным партнерам России, снижение цен, сжатие углеводородной ренты.

Мы уже сейчас не являемся, с некоторой точки зрения, нефтяной страной. На рубеже 2017-2018 гг. Россия уже не была по своему содержанию рентной экономикой. По экспорту нефти на душу населения наша страна соответствовал скорее индустриальной стране.

У нас вывоз сырой нефти на человека в долларах находилось на уровне между Канадой и США. Это уровень индустриальной страны, которая еще экспортирует энергоресурсы. А у хороших нефтеэкспортеров (Эмираты, Саудовская Аравия и Норвегия) она в разы больше. Просто поступление, не говоря уже капитальных затрат, о том, что у Эмиратов вышки прямо на берегу залива, а нам это все тянуть надо до Восточной Сибири

.

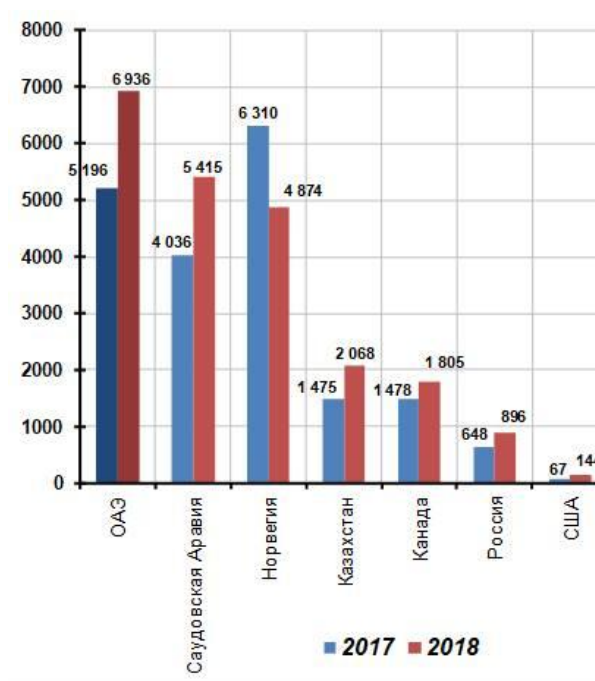

Рисунок 7. Экспорт сырой нефти по странам на чел, долл. США

И в дальнейшем нет оснований ожидать роста спроса на углеводороды и цен на них. Нам предстоит конкурировать на «стоящих» (или сжимающихся) энергетических рынках в условиях экологической и технологической гонки – причем со странами, изначально находящимися в более благоприятных условиях.

Отсюда, энергосырьевой сектор *не будет* точкой масштабного извлечения ренты: рента будет только сжиматься даже по объемам выручки, не говоря о том, что у нас, судя по всему будут капитальные затраты расти.

Возможности:

- в условиях роста мирового спроса на «читую» энергию - вхождение на рынки цветных «электрических» металлов (медь, серебро, золото, никель, литий),
- в условиях ограничений на вывоз из страны энергоресурсов - развитие нефте- газо- углехимии, внутреннего производства удобрений и новых материалов (учитывая, что у нас возникает избыток ресурсов, а у нас внутренний рынок не закрыт по целому ряду продукции)

- развитие «энергомостов» и местных энергосистем в отдаленных регионах на новой технологической базе. Новое освоение сложных регионов Сибири, Севера и Дальнего Востока,
- рестарт электротранспорта, как «преимущество отсталости» (в традиционный легковой автопром «не смогли», зато сейчас все стартовые оказались в равном положении).
- позиция поставщика «промежуточных решений» в сфере традиционной энергетики (низкоэмиссионные технологии сжигания традиционных углеводородов), вхождение в соответствующие кооперации с дружественными странами, в том числе на базе разделения компетенций (наше эффективное сжигание + их ИКТ и «смарт»).

Шестое. «Регионализация цифровизации» - формирование независимых моделей цифровизации стран

Угрозы:

- конфликты несовместимых цифровых стандартов. Использование цифровых стандартов как инструмента недобросовестной конкуренции,
- «кибер-войны» центров силы

Возможности:

- независимый поставщик ИКТ-решений (Индия, страны Востока), в том числе в «чувствительных» отраслях. Это создает колоссальные возможности стать лидером тех, кому не достался «первый приз» в цифровой гонке – но не готовы из неё выбывать. Аналог – функционирование российского авиапрома в 1990-2000е годы - на экспорте в страны, которые просто не хотели летать из соображений безопасности, в том числе технологической, на Airbus и Boeing/
- рынок («серый»?) системной интеграции несовместимой технологической продукции

Седьмое. Новые цифровые деньги. Токенизация ресурсов. Экономика цифровых метавселенных. Борьба капиталов – «зеленые» (вокруг

стабилизации / консервации ресурсов) и «красные» (вокруг экспансии, в том числе в виртуальном пространстве) инвестиционные повестки

Угрозы:

- такая борьба – основа глубокой геополитической конфликтности.
- Риски безопасности
- уход инвестиций и деятельности в «цифровые миры». Метавселенные как точки приложения капитала, труда и талантов
 - формирование финансовых стимулов для неразвития и «новой деиндустриализации» под «зеленую повестку» (по аналогии со свертыванием ВПК в России в 90е)

Возможности:

- экспорт безопасности как ключевого ресурса конфликтного мира.
- цифровые инвестиции «на доверии принимающих» - снятие ограничений на инвестиции в развивающиеся, в том числе долгосрочные проекты.
- использование / капитализация терраформинга «по Зимову» в качестве экспортного пакета.

Восьмое. Опрозрачивание транзакций и экономик в целом, экономика больших данных (БД). Сетевые модели управления

Угрозы:

- злоупотребление информацией со стороны держателей платформ (Бигтех+), обрабатывающих БД
- кризис управления из-за несовместимости вертикальных и сетевых моделей управления, борьба стандартов и протоколов

Возможности:

- формирование суверенных платформ и инструментов обработки БД;
- участие в формировании рынков «адаптивного управления», создание соответствующих платформ
- участие в формировании рынка «непрослеживаемой экономики».

Сборка.

Перед нами, применительно ко глобальным процессам, стоит даже не вызов новизны – с теми или иными трансформациями уже сложившихся трендов и параметров развития – а с возникновением качественно новых факторов и феноменов. Вызов Иного.

Особенностью долгосрочного периода становится наличие качественно новых, не существующих сегодня вызовов в сфере социально-культурного развития, технологий, геополитики / экономики, климата. К их числу относятся:

- риск сжатия и быстрого постарения населения, как в России, так и в большинстве других экономически развитых стран мира

Отсюда - тренд к роботизации, к биотеху, к новым экономикам. Но отсюда же – социальное противоречие, связанное с тем что попытки ускоренного развития технологий происходят в обществах со стареющим мы должны пытаться развивать технологии со стареющим населением.

- переход от двадцатилетия глобального мира – к десятилетию «сражающихся царств». Качественный рост значимости проблем безопасности, включая экономическую. Неустойчивый / манипулятивный доступ к рынкам

Если раньше мы четко понимали, что мир мира и мир хаоса территориально разделены (правда, мы находились на границе), то сейчас эта ситуация захлестывает мир.

- виртуализация потребления. Возникновение цифровых метавселенных как крупнейших рынков оборота товаров (как физических, так и цифровых), заработка / ведения бизнеса, формирования капитала.

Уже сейчас в виртуальном обороте ресурсы в ряде случаев сопоставимы или превышает ресурсы в отдельных секторах экономики. Был год, когда продажи виртуальных танков в компьютерных играх превысили по деньгам продажи реальных, из стали. И эта ситуация будет только нарастать, судя по оценкам Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ). Формируется ситуация нового центра приложения капиталов, нового формирования культурных посланий, новой занятости, когда человек работает, получает отдачу, получает деньги, закупается в виртуальном мире, - а окружающий мир, физический, лишь сфера жизнеобеспечения, как для нас булочная (для нас не является ключевой проблемой добыть пищу). Что это значит, сказать сложно. Впрочем, в виртуальном мире дети не появляются – что, как минимум, усугубит демографический

кризис.

- превращение элементов искусственного интеллекта в стандарт работы на ключевых рынках и доступа к ним, а также анализа информации

актуализация непосредственных эффектов от изменения климата

В этом смысле будущее – ни в коем случае не «продленное настоящее». Адаптация к нему требует избытка ресурсов (**темпы имеют значение!**) и адаптивного управления

2.2. Базовые противоречия, формирующие условия развития мировой и российской экономики

2.2.1. Национальное и глобальное.

Трансформация глобального порядка: интеграция и дезинтеграция одновременно. Производство, прикладная наука и сфера безопасности регионализуются, а финансовая и институциональная системы остаются глобальными.

Идет регионализация производства (Китайская национальная инновационная система «полного цикла» и американская «реиндустриализация» - консенсусная между сменяющими друг друга американскими администрациями). Усиливается самообеспечение крупных центров силы энергоносителями – «сланцевая революция», «революция ВИЭ»...

Однако, регионализации финансовых систем **не произошло**: проекты альтернативных валютных пространств (Asio, Динар, Алтын...) не заработали.

Институциональный статус глобальных пространств – не определен. С одной стороны - торговые споры США и Китая, «кризисный протекционизм» в пандемию и санкционная война 2022-2023 гг. С другой – США удалось транслировать национальные юрисдикции на глобальный уровень (санкции против России и против Китая по Huawei).

Таким образом, усиливается противоречие между глобальной финансовой / институциональной системой - и макрорегиональными центрами силы

Выход из противоречия основные игроки, кажется, видят в технологическом развитии:

для США – опирающейся на контролируемые ими глобальные научные сети кооперации,

для Китая – на трансформацию в своих целях их результатов через национальную инновационную систему и глобальную сеть сбыта высоко- и среднетехнологичной продукции

На социальном уровне ситуация видится более сложной в том плане, что глобальное потребление, глобальные культурные модели, глобальные модели организации проникли в поры буквально каждой семьи, каждой организации. В некотором смысле любое предприятие почти работает на глобальном рынке хотя бы с точки зрения погруженности в контекст рекламы, если непосредственно. В этом смысле любая наша политика, должна дать ответ и на позицию относительно глобальных процессов - хотя бы в плане создания общества, «в котором хочется жить и работать», как говорил Олег Константинович Антонов.

2.2.2. Развитие и стабильность.

Даже по пилотным опросам, которые в ИНП РАН проводились для ЕЭК, приоритеты компаний четко раскладываются на «красную» и «зеленую» повестки. Первая – связана с повышением эффективности, освоением рынков и так далее. Вторая – с декарбонизацией, повышением экологических стандартов и так далее; они не пересекаются.

Проблема в том, что, как говорил на российско-французском семинаре ИНП РАН Игорь Фролов за этими историями стоят разные типы капиталов. С одной стороны, капитала связанного, в предельном идеальном случае с

неограниченным (вплоть до сингулярного) развитием, в том числе на стыке виртуального и реального миров. С другой - с капиталом, связанным с консервацией, отказом от включения в экономический оборот, части ресурсов. Они будут порождать крупномасштабные конфликты.

Запрос на стабильность:

Высокие риски развития – социальные (высвобождение занятых), давление на природу, «новая конфликтность». Ухудшение демографического баланса и старение населения в развитых странах – размывание конкурентных преимуществ плюс «новая ригидность»

Развитие:

Создает противоречия и риски – и само снимет их, трансформируя себя и социальную среду

Создает новые центры силы - в Китае идет индустриализация-3, на этот раз она базируется на выстраивании полноценной национальной инновационной системы (приоритеты – ИКТ, новая энергетика, робототехника, социальные технологии)

НО: через развитие противоречия снять можно. А его остановка – даже под «этическими» лозунгами – приведет лишь к накоплению кризисного потенциала и к коллапсу

Закрепление позиций старых игроков (ЕС!) будет идти через апелляцию к «высокотехнологичному неразвитию» – через «углеродные стандарты» доступа на рынок, избыточные барьеры в части безопасности, этические требования к продукции, гуманитарные/социальные обременения для партнеров. Собственно, это – просто механизм извлечения «институциональной ренты» от накопленного потенциала развития. По социальным причинам (старение населения и большие требования к социальному комфорту) – технологическое развитие в Европе скорее всего трансформируется в направлении экологически нейтральных / природоподобных технологий, передачи «бремени решений» (человеко-) машинным системам

2.3. Сценарные развилки глобального развития

Основными осями неопределенности в развитии мировой экономики до 2035 г. являются:

- новая монополярность (ключевые игроки договорились о новом разделении труда с лидерством США и привилегированным местом Китая – порядка 30% вероятности) / макрорегионализация (формирование Системы центров силы с развитыми юбками кооперации / взаимозависимостей – 60%) / «хаос игроков» (юбки коопераций формируются плохо, серия финансовых кризисов ведет к формированию большого числа «голых ядер» конкурирующих держав – около 10%);

- ставка на стабилизацию (вокруг «экологического пакета» – 20% вероятности) / на развитие (ИКТ + промышленное развитие – 80%).

Соответственно, наиболее вероятными сценариями развития мировой экономики до 2035 г. являются (см. Таблица 1):

- Конкуренция Индустрий 4++: регионализация, ускоренное развитие, в ядре – ИТ / био-технологии, диффузия высоких технологий в страны «периферии центров силы» (48% вероятности);
- ИТ-глобализация: ре-глобализация с «перезапуском моноцентра», перезагрузка институтов (в том числе на базе цифровых платформ и глобальной прослеживаемости), ускоренное развитие, ИТ-технологии и биомед (24%);
- Конкуренция эко-индустрий: регионализация, стабилизация, эко- и новые энерго-технологии (14%).

Таблица 1 – Сценарная матрица развития мировой экономики

	«Новая монополярность» (30%)	«Макро-регионализация» (60%)	«Хаос игроков» (10%)
Ускоренное развитие, ИКТ, новая промышленная революция, «красные капиталы» (80%)	ИТ-глобализация (24%)	Конкуренция Индустрий 4++ (48%)	Промышленная многополярность (8%)
Стабилизация, экологическая консервация, «зеленые капиталы» (20%)	Эко-стабильность (6%)	Конкуренция эко-индустрий (14%)	

О стаях «черных лебедей»

Сочетание общественного и инвестиционного энтузиазма, отсутствие сформировавшихся стандартов (включая технологии контроля), широкие сферы применения потенциально опасных технологий создают – причем на все этом же 20-летнем горизонте, высокую вероятность возникновения тяжелых техногенных шоков, ведущих к срыву (по меньшей мере, части обществ) из «филий» в «фобии», по аналогии с катастрофой «Гинденбурга» (1937), историей талидомида (1961 г.) / переужесточением системы допуска лекарств, Чернобыльской катастрофой (1986)/ радиофобией и остановкой первого «атомного бума».

Прилета «черных лебедей» можно ожидать в следующих сферах:

- Искусственный интеллект, где волна создания и использования ИИ в различных сферах (включая жизненно важные), в сочетании с его быстрым усложнением, ведущим к потере прослеживаемости может привести к катастрофе (в сфере жизнеобеспечения, энергетики, транспорта, безопасности и т.д.) – причем возникшей внезапно не только для общества, но и для операторов, и с трудом прослеживаемой даже «задним числом». **«Точка невозврата» – момент, когда искусственный интеллект будет обучен управлять системой искусственных интеллектов**

- Биотехнологии, где стремительно расширяется число лабораторий, работающих с особо опасными возбудителями и решаются все более чувствительные задачи

- Электронергетика, где параллельно возрастает спрос на электроэнергию, и в систему включаются все новые компоненты, критически зависящие от погодных условий и режимов эксплуатации, а управление становится все более сложным

3. Изменение институциональных условий и новые возможности для экономического роста.

При развитии институциональной среды требуется принять решения в отношении двух слоев проблем. Первый – адаптация к изменившимся условиям функционирования внутреннего рынка, связанным с уходом с западных компаний. Второй - создание условий для расширения инвестиционной активности российского бизнеса. Одной из ключевых проблем в данном направлении является разобщенность инвестиционных стратегий государства и бизнеса. Для устранения этих противоречий необходимо более активно привлекать бизнес к выработке приоритетов.

С точки зрения экономической политикой целесообразно постепенно двигаться от методов планирования на основе оценок перспектив экономического развития к управлению потенциалом. Будущее связано в высоким уровнем неопределенности, но экономическая система должна быть готова к любому возможному развитию событий.

Сама логика нашего развития выталкивает нас в своеобразный аналог китайской «экономики двух [внешней/экспортной и внутренней] циркуляций» - в систему воспроизводства, включающую три контура воспроизводства: экспортный, государственный, внутренний бизнесовый.

Это одновременно и окно возможностей, и риск. Окно возможностей, если нам удастся выстроить экономику, которая решает при помощи разных механизмов набор задач. Риск, если эти системы будут друг друга «поедать». Разрушая и саму экономику, и общество.

Особенность ситуации в том, что мы можем либо создать новый социальный двигатель, где разные контуры поддерживают и воспроизводят друг друга, либо напротив, разорвать единое социальное и экономическое пространство страны:

- экспортный контур. Зарабатывает дефицитный ресурс - валюту, выполняет валютный план, покупает импортное оборудование. Создает систему новых кооперационных связей. Опирается, в силу высокой остроты конкуренции, тем более в новых условиях, на наиболее качественный, воспроизводящийся на «лучших имеющихся ресурсах», кадровый потенциал, включая образование (в том числе, корпоративное) и здравоохранение;

- государственный контур. Работает над задачами очень широко понимаемой безопасности/стабильности (оборонной, продовольственной, социальной, технологической и т.д.); активно применяет методы планирования той или иной степени жесткости. Получает качественные ресурсы «под план» и по плановым ценам, включая импорт необходимого высокотехнологичного уникального оборудования, компонентов, сырья и т.д. Имеет отчасти обособленную систему воспроизводства кадров (и, видимо, «свою» подсистему здравоохранения);

- внутренне-ориентированный бизнесовый контур. Несет на себе инновационные риски, как в технологическом, так и в других отношениях, включая выстраивание новых бизнесов и систем кооперации. Создает рабочие места, является доходной базой субъектов Российской Федерации.

Казалось бы, это – почти идеальная конструкция, уравнивающая функции и ресурсы отдельных секторов. Но, как и любой вызов, окну возможностей здесь соответствует системный риск.

Этот риск имеет тройкий характер:

Во-первых, традиционная для ситуации планирования искусственная «приоритизация» при субсидировании импорта и т.п. и концентрация ресурсов.

- есть риск закрепления устаревших приоритетов («планирование от достигнутого»; «занос» интеллектуальной моды»). Пример – Стратегия НТР, когда новые научные направления возникали быстрее, чем изменялся документ;

- подрывается мотивация частного бизнеса к принятию на себя рисков – приоритеты «назначены» заранее и премии определены административно.

.... причем неверный выбор приоритетов не наказывается, особенно для предложивших их экспертов. Тому есть масса примеров, от «кукурузной революции 1960х до недавней оптимизации здравоохранения. При этом, у нас (в отличие от ЕС с их «углеводородной революцией») нет практической возможности «по большому счету» обратиться к ресурсам глобального рынка: разрыв в производственных цепочках из-за ошибки в планировании закрыть будет очень трудно.

Во-вторых, возникновение / усиление институционального разрыва между отмеченными секторами, их «перетягивание одеяла на себя».

В-третьих, «паразитарная интеграция» бизнеса с регулируемыми компаниями (как собственно получилось и при НЭПе 1920-х, и при Перестройке 1980-х), когда кооперация бизнес-структур с контролируемыми государством компаниями ведет к перераспределению ресурсов (сырья и материалов, приобретаемых по льготным/плановым ценам, валюты, поступающей по специальному курсу и т.д.) от «государственных» компаний к аффилированным с менеджерами последних частным.

Ситуация усугубляется формированием значительного «навеса» капиталов, связанных с «серым» экспортом² / параллельным импортом. Новой проблемой может стать проблема накопления российских долгов в дружественных странах в случае перехода к «парным» взаиморасчетам и несбалансированности торговли.

Эта ситуация может нас опять подтолкнуть к легализации капитала через приватизацию при ослаблении институционального ресурса,

² По оценкам, полученных нами с В. Семикашевым, под прямым и косвенным контролем российских компаний остается порядка 3-4 долл. с каждого барреля экспортированной нефти. С одной стороны, это инвестиционный ресурс, с другой стороны это история.

институционального порядка с соответствующими остросоциальными последствиями.

Отсюда – риск «новой приватизации» под новые капиталы и ослабления институционального режима: мультиинституциональность, многоукладность, риск разрастания «серой юстиции»

Для эффективного экономического ответа на будущие вызовы прежде всего необходимо развитие технологий. Здесь может быть предложена логика многоуровневой модернизации сферы научно-технологической деятельности. Во-первых, развитие фундаментальной науки. Во-вторых, ориентация крупных научных центров на отрасли российской экономики и высокотехнологическому бизнесу. В-третьих, технологическая модернизация массовых секторов экономики. В-четвертых, развитие среднего и малого бизнеса, использующего технологические инновации.

Отдельный вопрос – это модель корпоративного поведения. До сих пор крупные российские компании были развернуты на мировые рынки и не были заинтересованы в развитии компаний второго эшелона. Без решения вопроса взаимодействия крупного, среднего и мелкого бизнеса сформировать благоприятную корпоративную среду будет крайне трудно.

Важное значение имеет и прозрачность механизмов трансформации компаний из средних в крупные. Целям развития экономики отвечает ситуация постепенного превращения средних компаний в крупные. В долгосрочной перспективе для этого необходимо наличие фондов прямых инвестиций и развитый рынок синдицированного кредитования и долгосрочных облигаций.

4. Система долгосрочного целеполагания

Сочетание системных санкций, замедления мировой экономики и негативных демографических трендов (постарение населения, рост социальной и оборонной нагрузки) ведет к замедлению динамики российской экономики в рамках сформировавшихся факторов воспроизводства – до порядка 1,5-2.0% в вероятном сценарии и 1.0% в кризисном.

При этом диапазон возможной динамики очень велик, потому что существуют риски сочетания геополитических воспроизводственных и энергетических шоков, которые могут привести и к отрицательной экономической динамике.

- соответственно, замедлится динамика реальных доходов населения и потребления товаров и услуг (до, примерно 2.0% в кризисном варианте);
- осложнение ситуации с ростом, скорее всего, приведёт к требованиям государства к госкорпорациям выдерживать программу повышения собственной эффективности;
- напряженность бюджета будет возрастать из-за сочетания снижения цен на экспорт (нефть Urals, по кризисному сценарию – до 40-45 долл. за баррель к 2030 г.) и объёмов поставок – и роста потребностей в финансировании социальной сферы, жилищного строительства (в том числе, на Донбассе), обороны, технологического развития.

При этом, российская экономика для решения задач эффективного суверенитета и для осуществления благоприятных структурных сдвигов должна иметь достаточно высокий темп приток ресурсов, что предполагает достаточно высокие темпы роста, не менее 3.5% в год.

Приоритеты и метрики экономической политики

«Макрометрики» - трехмерное пространство

Экономический рост – динамика ВВП/инвестиций, уровень конкурентоспособности

Стабильность / безопасность – наличие критически важных производств и компетенций

Благосостояние и качество жизни

Плюс два «скрытых измерения» (существуют в основном на микроуровне)

Качественные изменения, инновационность

Соответствие культурному коду

Размещение траектории экономики в этих системах координат, разумеется, предполагает «снятие» соответствующих противоречий.

Наблюдавшаяся перед «коронавирусным» кризисом стагнация шла на фоне довольно высоких цен на нефть (62-63 долл. за баррель) и состоявшейся адаптации экономики к «первому» санкционному режиму. Почему?

Экономическая политика: баланс между обеспечением стабилизации и стимулированием роста чрезмерно смещен в сторону «стабилизации»; между экономической безопасностью и качественными изменениями – в сторону безопасности. Это было ожидаемо в условиях рисков ухудшения конъюнктуры и введения новых («адских») антироссийских санкций – отсюда и наращивание резервов, и жесткая санация банков, и повышение НДС. Однако ситуация требует радикальных изменений.

Ожидания субъектов экономики: особенностью последнего периода стало недоверие субъектов экономики к росту.

Новые условия функционирования экономики и общества России вновь ставят на повестку в общественной дискуссии вопрос – а нужен ли нам рост, или «стабильность важнее»?

Представляется, что вывод о необходимости роста – причем довольно интенсивного, с долгосрочным темпом не менее 3-3.5% в год, сделанный еще перед нынешним кризисом³, стал только более актуальным. Необходимость решения как «старых» (возврат «социального долга» - ликвидация массовой

³ См. Тринадцать этюдов от стратегии, http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_13/2021/TTE.pdf

бедности и избыточной социальной дифференциации, модернизация социальных институтов и инфраструктуры), так и новых задач, связанных с обеспечением обороны и безопасности, восстановлением «новых регионов» и т.д. – настоятельно требует расширения ресурсов экономики.

К этому добавляется новый фактор – «Фактор Украины». Если после СВО она сохранится в зоне политического и экономического влияния недружественной России коалиции, нам, возможно, придется столкнуться с политически враждебным государством, принимающим на дешевом, но «индустриальном» по социокультурным и квалификационным параметрам труде и высоком природно-ресурсном потенциале⁴ технологии и капитал, выводимый европейцами и США из Китая и России. Соответственно, в этом варианте Украина, оставаясь безусловно враждебной России, поверхностно европеизируется (аналогично Польше и Хорватии) и становится не просто т.н. «Анти-Россией», но альтернативным нашей стране социально-политическим проектом. И нам, соответственно, надо выстроить собственную модель – более конкурентоспособную и динамично развивающуюся.

Ставка России – на проактивное (напор на нас настолько силен, что возможна только «атакующая», а не оборонительная позиция) формирование суверенного центра силы, взаимодействующая с партнерами различного уровня

1. Инвестиционный суверенитет: возможность самим формировать программу развития, оценивать риски стратегических проектов и определять позиции на рынках.
2. Предложение для союзников и партнеров в развивающихся странах:
 - капитализация среднетехнологического производства (с обязательной интеграцией высокотехнологичных компонентов, «компьютерное зрение для транспорта») по принципу «лучше АТР, дешевле Европы», адаптированных для рынков развивающихся стран. Выращивание отраслевых национальных чемпионов, ориентированных на предоставление альтернативных странам-лидерам решений;

⁴ Естественное плодородие черноземных почв, соляный потенциал «новой энергетики», запасы ряда видов ценных в новых условиях полезных ископаемых, включая уран

- для стран – «транзитных площадок»: обмен технологического и капитального трансферта на доступ к ограничиваемым для нас технологиям и сырью (с управляемым «выносом» части производственных цепочек в страны-партнеры);

- капитализация системы естественно-технического образования за счет привлечения студентов из развивающихся стран. Совместное развитие компетенций за счет «цифровых колабораций»;

- капитализация устойчивости (гомогенное транзитное, энергетическое и аграрное пространство).

3. Защищенные «клубные» системы расчетов (в рамках БРИКС++, напрмер), многостороннего клиринга и т.п. со странами-партнерами. Постепенное развитие соответствующих систем на суверенное (защищенное от недружественных действий) обеспечение оборота капитала и активов, их защиту, создание соответствующих институтов и т.д. Постепенное формирование правил «межклубного» взаимодействия институтов.

Большая идея – «рост и развитие (усложнение обществ) - для всех, а не для клуба избранных»

Еще один аспект – наша новая стратегическая позиция в мире, лидера «развивающихся» обществ и экономик. Таким образом, возникает «окно возможностей, связанное с экспортом «промежуточных решений», более технологически простых, чем в европейских странах, выстраивание на этой базе «экономики суверенитета» в части энергетики, продовольствия, машиностроения, ИКТ. Отсюда же, по всей видимости - акцент на «развивающее импортозамещение» (термин А.А. Широ́ва), позволяющее освоить качественно новые для нашей страны продукты и технологии (хорошие примеры – электромобили и поршневые двигатели для «средних» БПЛА), в том числе в рамках кооперации с новыми партнерами

При этом, социальный шок 1990х – середины 2000х резко ограничивает возможности социально жестких стратегий развития – наоборот, нужны социально очевидные «плоды усилий».

Втягивание российской экономики в устойчиво низкие темпы роста даже в инерционном варианте - менее 2% в год – не говоря уже о неконтролируемых рисках «скатывания» в темпы порядка 1% и ниже (сочетание взаимообусловленных геополитических конфликтов, возможного сжатия на энергетических рынках и структурного кризиса) означает возникновение критических рисков для воспроизводства российской экономики и целостности общества.

Таких темпов просто не хватит для минимально необходимого воспроизводства экономики (даже минимального – строительства инфраструктуры, воспроизводства минерально-сырьевой базы и т.д.), противодействия бедности, обеспечения национальной безопасности.

Поэтому 3-3.5% в год – это требования даже не развития, а безопасности.

Со столь острым вызовом в сфере экономики Россия ещё не сталкивалась

У нас нет особенного ресурса в плане населения – и его социального состояния, и демографии.

По социальному. Казалось бы, последнее время у нас уровень бедности резко снизился, но, на самом деле, за этим стоят скорее странные эффекты потребительском рынке, особенно в последний год, когда у нас идет удешевление продовольствия достаточно быстро, что вызвало падение уровня бедности (отчасти, правда, эффективная социальная политика во время ковида и в последние два года). Уровень бедности немного понизился и дифференциация тоже.

Но если не брать 2 последних года, то у нас дифференциация по доходам на очень высоком уровне, а дифференциация по потреблению – что куда важнее - даже росла.

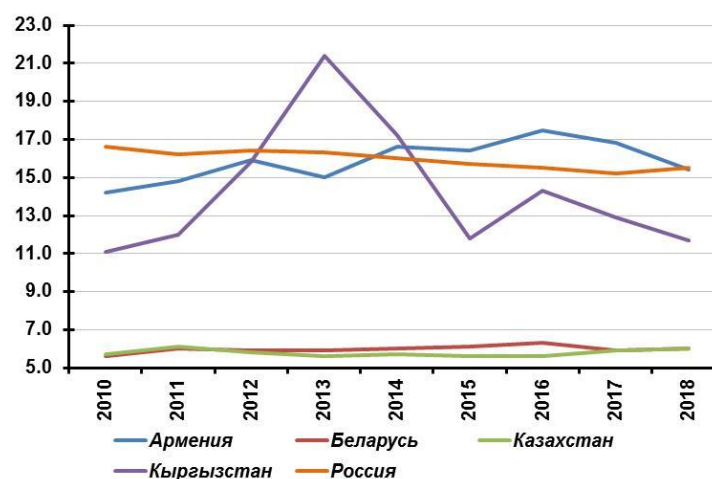

Рисунок 8. Коэффициент фондов в 2010-2018 гг.

Поэтому, учитывая, что ситуация затоваривания на рынке продовольствия долго вряд ли продлится, и, соответственно, падение цен по корзине бедных тоже вряд ли продлится, ситуация сама по себе развернется к худшему.

Демография. Высокий уровень демографической нагрузки. Надо сказать, что сейчас мы идем ниже росстатовского демографического официального прогноза среднего варианта. При том, что даже по росстатовскому прогнозу ситуация будет ухудшаться. У нас в районе 30-го года численность рабочей силы хорошо, если стабилизируется, а нагрузка со стороны пенсионеров будет расти.

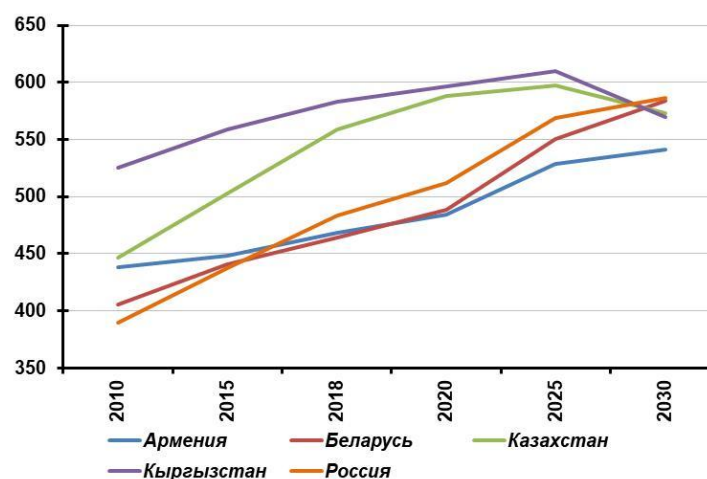

Рисунок 9. Коэффициент нагрузки,
(на 1000 человек в возрасте 0-14 и 65+)

Отметим, что институциональная инерция подталкивает российскую экономику к своеобразной полуавтаркии, что является тупиковым путем. «Автаркия не работает»: во-первых, из-за необходимости закупки импорта с рынков, где есть большой эффект масштаба – например, полупроводников (ср. «быть сильным везде нельзя», К. Клаузевиц); во-вторых, из-за проблемы размерности экономики (слишком маленький рынок для создания «внутри» аналога Amazon или Alibaba / Taobao, но достаточно велик, чтобы создавать иллюзию этого). При этом притока ренты сейчас нет.

Поэтому для того, чтобы работать даже с дружественными странами нужно достаточно активно развиваться, активно экспортировать. То есть нужны новые товары, которые будут обладать какими-то конкурентными преимуществами.

Одновременно с этим новая модель роста исключает социальный шок по типу 90-х годов XX века. Принципиально важно, что новая модель роста должна иметь социальную направленность.

Итак, целевые параметры среднегодовых темпов роста ВВП могут составлять 3,0-3,5% при росте производительности труда по экономике (за

исключением секторов социальных услуг) в 4-5% в год. Такое опережение темпов роста производительности труда среди прочего связано с тем, что темпы роста производства в сырьевом комплексе вряд ли превысят 1,0-1,5% в год.

Для обеспечения приемлемого роста уровня эффективности в экономике требуется реализация комплекса специальных мероприятий:

- 1) создание системы поддержки экспорта для расширения рынка сбыта отечественных товаров и услуг;
- 2) фронтальная технологическая модернизация, охватывающая большую часть секторов экономики и предприятий;
- 3) развитие системы социальной компенсации, ориентированной на создание рабочих мест, поддержку высвобождающихся работников и т.д.;
- 4) обустройство территорий и повышение качества жизни на базе комплексного освоения новых центров экономической активности, создания всех условий для привлечения новых работников.

Следует иметь в виду, что Россия располагает огромным потенциалом для роста производительности труда – примерно 25%. Однако быстрый рост производительности может быть связан с массовым высвобождением занятых и соответствующим объемом социальных проблем.

В России сложилась своеобразная «ловушка дешевого труда» при которой снижается мотивация к наращиванию автоматизации производства. Результатом этого является существенное отставание нашей страны в использовании роботизированных промышленных комплексов.

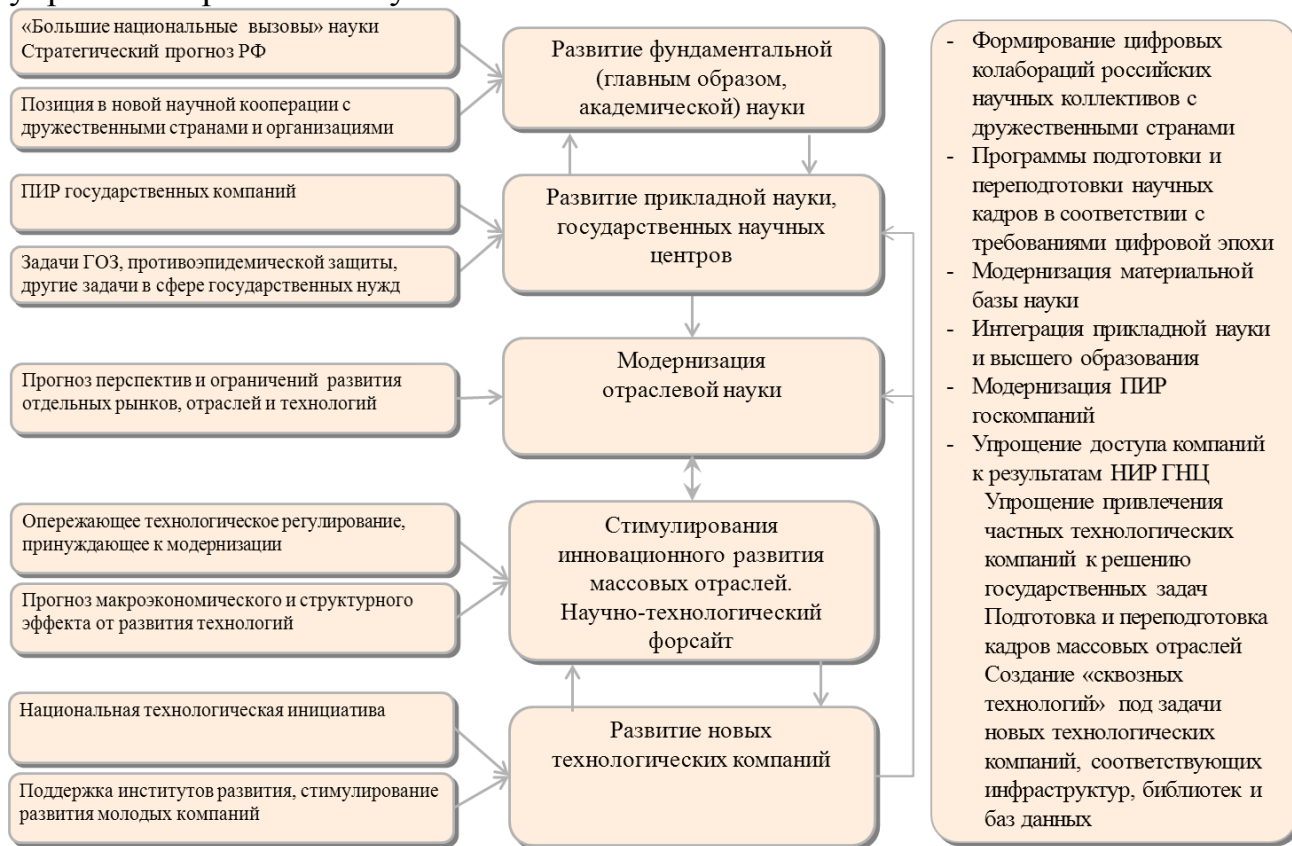
Значительная часть занятых может перетекать в предприятия малого и среднего бизнеса. Это означает, что эта часть экономики должна быть максимально освобождена от избыточного административного давления, прежде всего на уровне регионов и муниципалитетов. Требуются мероприятия по расширению программ профессиональной переподготовки.

На эту же цель должны быть ориентированы программы строительства и модернизации жилья.

5. Технологические сдвиги – управление и эффективность

В организационном смысле необходимо создать комплексную, сквозную систему стратегического прогнозирования и управления научно-технологическим развитием, преодолевающую отмеченные выше разрывы (см. Схему 1).

Схема 1. Формирование интегрированной системы прогнозирования и управления развитием научно-технологическим комплексом

Развитие «большой» академической науки может происходить на базе стратегического прогноза Российской Федерации, определяющего долгосрочные вызовы для ее развития и набора сформулированных в самой России «больших вызовов» в сфере науки – определяющих собственную

позицию российской науки в глобальном процессе познания – что и позволит говорить о «научном суверенитете» России. К числу таких вызовов могут быть отнесены (вариант):

- вызов пространства: исследование фундаментальных свойств пространства и времени, дальнего космоса, Мирового океана;
- вызов творения нового: исследование возможности создания развитого искусственного интеллекта, возможность создания искусственной жизни;
- вызов материи и энергии: исследование фундаментальных свойств вещества и энергии, создание «умных» и природоподобных материалов;
- вызов жизни: выявление свойств живого, борьба с болезнями, выявление возможности терапии / предотвращения развития наследственных заболеваний;
- вызов разума: изучение механизмов сознания, выявление возможности создания полноценного интерфейса человек-компьютер.

Разумеется, список не покрывает и не может покрывать «больших вызовов» –здесь важнее сама идея вызовов для познания предельного, экзистенциального характера.

Дополнительные направления постановки задач для «большой науки»:

- спрос со стороны стран-стратегических партнеров России;
- запрос на решение фундаментальных задач со стороны государственных научных центров.

Мероприятия по общему обеспечению развития «большой, академической науки» могут включать в себя:

- формирование цифровых колабораций российских научных коллективов с дружественными / нейтральными странами и международными организациями, как инструмент получения доступа к глобальному научно-технологическому пространству;
- программы подготовки и переподготовки научных кадров в соответствии с требованиями цифровой эпохи;

- модернизацию материальной базы науки.

Развитие «большой прикладной науки» может происходить на основе:

- задач (в том числе, связанных с выполнением НИР и, отчасти, ОКР в рамках гособоронзаказа, здравоохранения, обеспечения устойчивости функционирования инфраструктур, комплексной цифровизации институтов государственной власти и т.д.), лежащих в сфере непосредственной ответственности государства;

- спроса на научно-технологические решения со стороны государственных компаний в рамках их программ инновационного развития (ПИР), максимально переориентировав их на «технологическое импортозамещение»;

- спроса на новые технологические решения в интересах технологической модернизации массовых среднетехнологических отраслей и новых технологических компаний (см. ниже).

Мероприятия по общему обеспечению развития прикладной «науки ГНЦ» могут, в свою очередь включать:

- интеграцию прикладной науки и высшего образования;
- модернизацию ПИР госкомпаний;
- упрощение доступа компаний к результатам НИР ГНЦ;
- упрощение привлечения частных технологических компаний к решению государственных задач, включая оборонные, с учетом требований секретности.

Развитие отраслевой науки в интересах технологической модернизации массовых отраслей неизбежно самым тесным образом связано с собственно технологической модернизацией этих отраслей (в том числе, на базе технических решений, созданных государственными научными центрами). Важнейшей Технологией «сборки» отраслевой науки и компаний является научно-технологический форсайт, выявляющий реальные технологические приоритеты компаний и формирующего систему их связей с научными организациями (включая ГНЦ).

Основаниями для такой технологической модернизации могут стать:

- прогнозная оценка долгосрочных перспектив и специфических ограничений развития отдельных рынков, отраслей и технологий;
- прогноз макроэкономического и структурного эффекта от развития и внедрения отобранных участниками форсайта приоритетных для них технологий;
- меры по опережающему технологическому регулированию, «принуждающие» компании к ускоренной модернизации.

Необходимо отметить, что обязательным условием для технологической модернизации массовых отраслей является обеспечение профессиональной и территориальной мобильности занятых, что, в свою очередь, предполагает создание адекватной системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров массовых, в том числе, среднетехнологических, отраслей.

Развитие новых технологических компаний является необходимым условием для обеспечения гибкости реагирования отечественного научно-технологического комплекса на быстро возникающие вызовы.

Отчасти, система поддержки таких компаний уже создана – хотя и нуждается в дальнейшем масштабировании и развитии.

Задачи для них формируются, в том числе в рамках модернизации среднетехнологических компаний.

Кроме того, постановка таких задач, как минимум, отрабатывается в рамках реализации Национальной технологической инициативы и деятельности институтов развития, ориентированных на поддержку развития технологий.

Самостоятельной задачей становится реализация проектов по выращиванию «национальных отраслевых чемпионов», ориентированных на рынки индустриализующихся стран (АТР, страны Ближнего и Среднего Востока).

Дополнительные меры по обеспечению ускоренного развития таких компаний могут включать, в частности, создание «сквозных технологий» под задачи новых технологических компаний, соответствующих инфраструктур, библиотек и баз данных, а также поддержку соответствующих добровольных профессиональных сообществ (в том числе, сетевых) и меры по стимулированию добровольного образования взрослых.

6. Макроструктурные характеристики развития

В целом, речь должна идти о своего рода «повороте к себе», перебалансирующим, в соответствии с изменившимися условиями развития, ресурсы, институты и приоритеты развития.

Не вдаваясь в конкретные, пусть и предельно важные детали, можно выделить как минимум несколько стратегических направлений действий.

1. Акцент на развитие не столько крупнейших сырьевых компаний – за ограниченностью возможности расширения неизбежно бюрократизированного крупнейшего бизнеса в условиях ужесточающихся внешнеторговых ограничений.

Отсюда – необходимость соответствующего изменения институтов: с одной стороны, обеспечивающих защиту от поглощения большими компаниями развивающихся средних (такое поглощение – своеобразный способ защиты от рисков кооперации с внешними контрагентами; способ действительно эффективный, но тупиковый). Одновременно необходимо стимулировать «горизонтальное» взаимодействие, кооперацию компаний при решении производственно-технологических и сбытовых задач, в том числе эффективный вынос рисков из крупных компаний малому бизнесу.

2. Максимальный переход от «коробочного импорта» готовых технологических решений к опоре на национальные технологические решения, что предполагает создание соответствующих инфраструктур и институтов национального технологического форсайта (см. Тезис 3).

3. Переход от «пособия трудящимся» к оплате труда, что стимулирует роста его производительности. Это предполагает максимальное развитие возможных направлений приложения сил работников – через систему подготовки и переподготовки кадров, снижение давления на малый бизнес на региональном уровне, развитие территориальной мобильности (включая «многолетнюю вахту» в отдалённых регионах с возможностью последующего приобретения жилья в климатически комфортных регионах, развитие рынков арендного жилья и т.д.).
4. Антимонопольная политика. В 2000-2010 гг. концентрация промышленности, в значительной степени, была оправдана конкуренцией с нарастающим импортом продукции крупнейших зарубежных компаний, к которой тогдашняя, «заводски» организованная промышленность была просто не готова. Сейчас, когда масштабы возможного импорта ограничены из-за санкций, необходимо (в том числе искусственно) создавать и стимулировать конкуренцию на внутреннем рынке, в том числе – за счёт поддержки создания и масштабирования компаний.
5. Перенос акцента от мегаполисной, централизующей ренту в мегагородах со слишком дорогими факторами производства к развитию производящих средних городов «внутренней России» и развитию вокруг мегаполисов, на расстоянии эффективной работы скоростного транспорта «цифровых субурбий» (по модели «работать в ближней провинции как в Москве»).
6. Наконец, необходима «революция сознания здорового человека», причем на всех уровнях – переход от бюрократически-стабилизационного мышления, обеспечения минимальных рисков (в условиях глобальной структурной перестройки и экономической войны это уже бессмысленно) – к поискам возможностей экономического, технологического и социального развития (в частности – выращиванию

«новых отраслевых чемпионов» на растущих и трансформирующихся внутренних и внешних рынках).

В конечном счете, в новых условиях ставка должна делаться на проактивное формирование суверенного центра силы, что это уже означает формирование определенной системы внешних связей и модели воспроизводства, ориентированной на них. России предстоит выживать в гораздо более жесткой конкуренции чем это было до сих пор, потому что оспаривается обе позиции нашей страны в мировой экономике.

Во-первых, как экспортера ограниченного набора высокотехнологичной продукции (вооружения, атомные технологии и т.д.). Во-вторых, как крупнейшего игрока на энергетических рынках.

В этих условиях требуется сформировать эффективную экономическую политику, которая должна обеспечить баланс между тремя открытыми макроэкономическими измерениями (экономический рост – динамика ВВП, инвестиции, уровень конкурентоспособности; стабильность/безопасность; благосостояние и качество жизни), а также двумя скрытыми (качественные изменения, инновационность; соответствие культурному коду).

Важно понимать, что несмотря на важность инвестиционной деятельности невозможно все ресурсы использовать только для ее форсирования. Необходим компромисс с другими целями развития. И здесь нужно отметить, что в последнее время возникла проблема недоверия субъектов экономики к мероприятиям по интенсификации экономического роста, что затрудняет поиск баланса в области экономической политики.

В ядре предлагаемой экономической политики, которую можно охарактеризовать как «инвестиционно-инновационная модернизация» – контур «инвестиции – обновление производственного аппарата - производительность труда – заработная плата – потребительский спрос»

Целевые параметры экономического роста – порядка 3-3.5% в год по ВВП –

предполагают соответствующий прирост производительности труда.

При этом, очевидных перспектив ускоренного наращивания производства (сверх 1-1.5% в год) в сырьевых отраслях нет.

Отсюда, в нерентных отраслях и вне бюджетного сектора – производительность должна расти на 4-5% в год, с выходом на средне-европейский уровень.

Это, в свою очередь, предполагает:

создание соответствующей системы поддержки экспорта – чтобы наше производство не упиралось в ограниченный размер внутреннего рынка

технологическую модернизацию – причем, как «лидеров»-новые технологические бизнесы, технологические госкомпании, так и массовых отраслей. Иначе мы будем тиражировать устаревшие решения

системы социальной компенсации. Инвестиционный процесс и рост производительности труда будет сопровождаться высвобождением занятых, трансформирующих скрытую «аграрно-промышленную» безработицу в ресурс для развития новых секторов и производств. Что задает ориентиры для развития профессионального образования, рынка жилья (территориальная мобильность и развитие территорий), малого бизнеса

развитие территорий и качество жизни. Формирование новых зон роста будет сопровождаться изменением карты экономической географии страны. Соответственно, необходимо комплексное освоение территорий, создающее возможности для привлечения людей на новые места жизни и работы

Для решения задач, можно предложить три основных типа мероприятий в области экономической политики:

1)основные мероприятия: нацелены на решение конкретных задач; нацелены на конкретных бенефициаров чьи ресурсы могут быть вовлечены;

2)обеспечивающие мероприятия: на правлены на создание (воспроизводство) ресурсов для решения основных задач (развитие образования, минерально-сырьевой базы, производственной инфраструктуры); имеют конкретных бенефициаров чьи ресурсы могут быть вовлечены;

3) институциональные мероприятия: направлены на снятие барьеров развития (создание нормативно-правовой базы, инфраструктуры общего пользования, благоприятной экологической среды и т.п.); не имеют конкретных бенефициаров и развивают общую экономическую среду.

Реализация программы технологической модернизации требует роста нормы накопления ВВП до уровня 25-26%. Такой рост инвестиционной активности неизбежно будет сказываться на повышении производительности. Темпы роста ВВП на пике увеличения инвестиций (2027-2030 гг.) могут составлять до 3,5%, затем к 2040 г. плавно снижаться до 2,7-2,5%. Важно, что рост производительности неразрывно связан с увеличением оплаты труда и последующим вовлечением в экономическую активность секторов розничной торговли и потребительских услуг. Довершает цикл расширения экономической активности увеличение несырьевого экспорта.

Разумеется, задавать приоритеты развития сейчас – совершенно бессмысленно. Но девять ключевых проектов, в целом, видны уже сейчас и доступны к конспективному изложению. Они тесно взаимосвязаны, но раскладываются по нескольким «пакетам».

Технологический пакет

Это набор целевых и обеспечивающих проектов по формированию использования потенциала отсталости, связанного с низкой роботизацией, с низким вооружением труда. У нас 5 роботов на 10 000 занятых по сравнению с более чем 600 в Южной Корее. При мировом стандарте под или за 300. Проблема – даже не в том, что нас опережают в роботизации, а в том, что уже несколько лет мы на пяти роботах на 10 000 занятых стоим. И в мире эти цифры меняются, у кого прирост на 10% в год, у кого на 15%, а мы стоим.

Чтобы возможный технологический рывок нас не разнес в социальном отношении, должна быть система обеспечивающих мероприятий, это система непрерывного образования и переподготовки кадров и диффузии технологий в другие отрасли, а также территориального развития.

1) Искусственный интеллект всего, как технологическая база и новый стандарт де-факто даже для среднетехнологических производств. Квантовые вычисления, квантовая криптография, фотоника (есть заметные заделы – в отличие от «микроэлектронной» волны, пропущенной Россией в ходе структурного кризиса в конце 1980х – второй половине 2010х гг.).

2) Роботизация и беспилотники. Необходимо отметить, что высокие технологии экономят не только труд, что особенно важно для России, при условии «разблокирования» социальных ограничений (см. ниже), но и капитал - за счет интенсивного использования беспилотной техники (так, ряд типов БПЛА способны находиться в полете до полутора суток уже сейчас, и эта продолжительность будет лишь расти).

3) Послойная технологическая модернизация экономики⁵, «сшивающая» в единой логике фундаментальную науку, прикладную науку и науку ГНЦ, технологическое развитие массовых отраслей и создание качественно новых для России отраслей и производств («машинное зрение», киберассистенты, беспилотники и т.д.). Ключевым здесь является технологический трансферт из ГНЦ и «новых технологических компаний» в традиционные отрасли, их облагораживание, создание условий для роста производительности, а также создание новых отраслей и производств, масштабирующее технологические инновации.

Социальный пакет

У нас одновременно наблюдается избыток труда из-за низкой производительности и его крайний дефицит, особенно для вновь начинаемых

⁵ См. «Как найти науке место в экономике?» из прошлого выпуска Тринадцати тезисов http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TTF3.pdf

проектов. Потому что он на этой производительности и заморожен, и мы понятия не имеем, как его извлечь, не обвалив производство и не устроив безработицу со всеми этими веселыми историями.

Риск высвобождения занятых довольно высок, связан в значительной мере с инновационной активностью. Но мы находимся в тупике, что труд слишком дешев, чтобы замещаться роботами. Соответственно, малопроизводителен, мало оплачивается, соответственно, экономически неэффективно его замещать технологиями, и мы пропускаем год за годом.

4) Создание, в том числе, на цифровой основе, системы непрерывного образования и переподготовки работающих кадров, особенно на трудоизбыточных производствах и территориях.

5) Комплексное освоение территорий, включающее развитие производств, строительство и модернизацию жилья, стимулирование создания новых бизнесов в «пространствах освоения». Реабилитация на этой основе «новых территорий» и «русской России», развитие Сибири и Дальнего Востока в рамках «поворота на Восток». Похоже, что именно в модернизации городских и сельских социальных и культурных сред проживания и работы людей – один из ответов на вопрос о способах мотивации сложного труда в новых условиях.

Инфраструктурный пакет

6) Поддержка экспорта на новые рынки и кооперации с новыми партнерами; выращивание на таких рынках новых «Национальных чемпионов» (прежде всего, на отраслевых рынках, включая ИКТ).

7) Развитие новых инфраструктур, на базе сочетания транспортной и цифровой инфраструктур (ср. – создание систем квантовой связи, курируемое ОАО РЖД).

8) Редизайн финансовой системы (см. ниже)

9) Поддержка малого и среднего бизнеса, стимулирование кооперации малого бизнеса с крупными компаниями, облегчение доступа малых и средних компаний к государственному спросу (включая гособоронзаказ), технологическим и финансовым ресурсам.

10) Стимулирование инвестиций и синергии бизнеса и государства. Поддержка совместного управления инфраструктурными и технологическими проектами (включая создание совместных Дирекций программ), выпуск соответствующих проектных облигаций с контролем их эффективности.

Обеспечивающие мероприятия.

Обеспечивающие элементы: социальная компенсация

Поскольку рост производительности труда означает высвобождение занятых – НП по малому бизнесу;

- это развитие, в свою очередь, предполагает снятие давления на малый бизнес со стороны местных органов власти; то есть обеспечение роста производительности труда

Нужен отдельный комплекс мероприятий по профессиональному переобучению. В том числе дистанционному (такого НП нет, а жаль)

Одновременно необходим территориальный маневр рабочей силы, то есть масштабное жилищное строительство под переезд и целенаправленное формирование новых «центров развития» (в том числе в «средней России»). Отсюда – требования по строительству и модернизации жилья

Обеспечивающие элементы: потенциал развития

- Развитие социального капитала (образование, здравоохранение, экология, городская среда); *Обычно рост вначале сопровождается усилением неравенства. В наших условиях наращивание неравенства уже невозможно; отсюда, необходимо найти способ конвертации экономического роста в социальный эффект*

- Инфраструктурное «разблокирование» территорий; Обеспечение технологического потенциала

Предстоит выдержать “тройной управленческий баланс” между стимулированием роста и социальной стабильностью, между развитием новых технологий и модернизацией ядра производств и между стимулированием роста и обеспечением конкурентоспособности, чтобы нас не задавил импорт готовой продукции.

Баланс проектов и институтов, сильного порядка и “творческой ризомы”. Отчасти то о чем социокulturологи говорили, только там не называют слова, поэтому рядились довольно долго.

Откуда деньги?

Одной из ключевых проблем в этих условиях является выбор направлений финансирования модернизации экономики. Нужно отметить, что в широком смысле ресурсы для финансирования мероприятий структурной перестройки имеются. В принципе у нас не очень большой запас есть по национальному сбережению, но он есть. Просто необходимо обеспечить его эффективное использование.

Это означает, что существует возможность реализации инвестиционно-активного варианта модернизации экономики, но чрезвычайно важно определить конкретные приоритеты для структурного маневра. Потому что цена ошибки очень высока - позиция России в новом устройстве мировой экономики.

В краткосрочном плане основным ресурсом для старта активной модернизации может стать сокращение оттока капитала, в более долгосрочном плане задача состоит в максимальном использовании валовых национальных сбережений для их трансформации в накопление.

Это значит, что ключевой способ расшивки узких мест, которые мешают трансформации капитала — это институциональные изменения. В

том числе проблема недоверия частных инвесторов и государства к риску, которая приводит к нежеланию работать в долгу.

В России наблюдается хронический разрыв между величиной валовых национальных сбережений и внутренних инвестиций. В последние годы он вырос.

Преодоление этого разрыва (повышение «КПД сбережений») обеспечит необходимые для увеличения инвестиционной активности финансовые ресурсы

При этом – потенциал повышения нормы накопления составляет порядка 28% ВВП

В этих условиях задача состоит в том, чтобы увеличить норму накопления ВВП минимум на 3 проц. пункта. При этом наши оценки показывают, что возможности наращивания рыночного банковского кредитования ограничены.

Зато довольно велик потенциал роста корпоративных облигаций. Это означает, что экономика нуждается в структурной маневр между кредитной и облигационной моделями поддержки инвестиционного процесса, что требует развития соответствующих институтов. В том числе речь идет и о рынке акций.

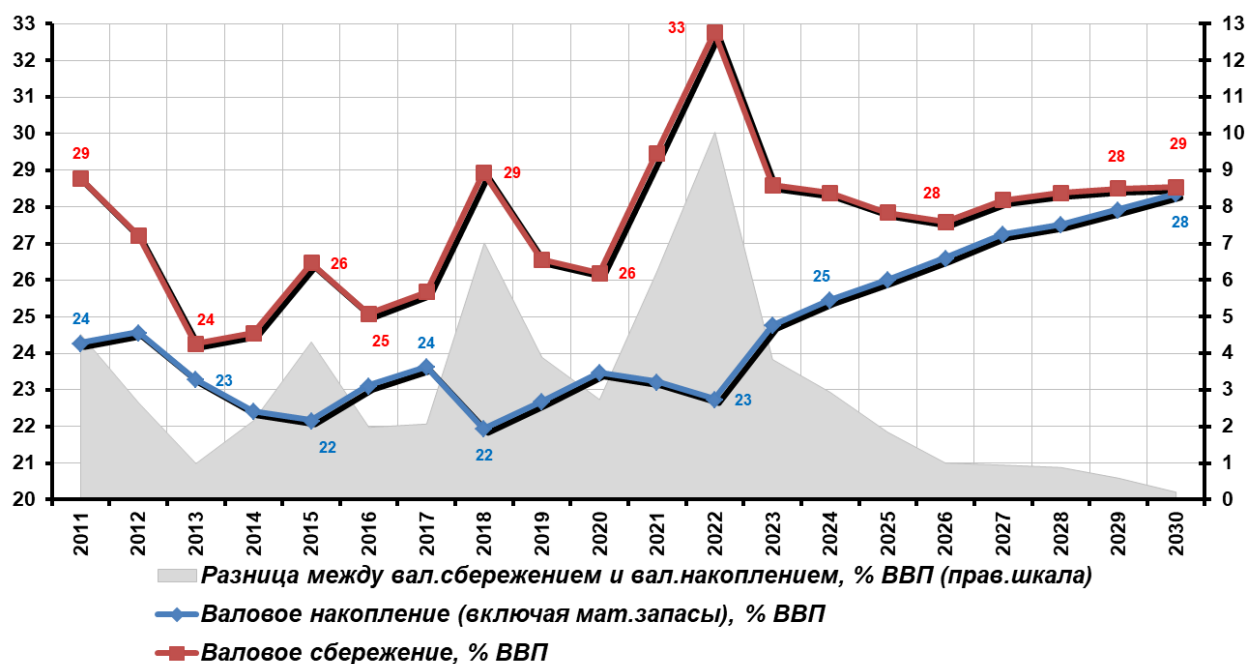

Рисунок 10. Валовое национальное сбережение и накопление (% к ВВП)

Нужен финансовый инжиниринг.

"Инжиниринг финансовой системы" - разработка способов расшивки "узких мест", препятствующих трансформации капиталов по срокам и эффективному управлению рисками:

- институциональные изменения (в части институтов наследования, корпоративного управления, работа с социокультурными "архетипами" и др.), обеспечивающие формирование долгосрочных мотиваций у собственников компаний и участников финансовых рынков;
- выработка у бизнеса во взаимодействии государством системных представлений о "точках" роста

Что касается бюджетных инвестиций, то они ограничены. Поэтому предлагается их вывести из под действия бюджетных правил, сформировав отдельный бюджет развития, опирающийся на государственные заимствования. В том числе на проектные облигации и другие инструменты.

При этом требования к сбалансированности бюджета должны распространяться в основном на уровень текущих расходов. Так что в отдельном отделе балансировать отдельными

То есть инвестиционная часть бюджета может финансироваться за счет заимствований - потому что влияет на формирование будущих доходов.

Отдельная проблема с региональными бюджетами, которые социально перегружены. При этом основу их доходов составляют поступления от малого и среднего бизнеса, развитие которого необходимо для формирования рабочих мест в условиях снижения трудоемкости на крупных производствах.

Чем сильнее региональные бюджеты нагружаются социальными и инфраструктурными обязательствами, тем сильнее растет фискальное и административное давление на малый и средний бизнес который соответственно прекращает инвестировать, особенно в условиях ограниченного доступа к заимствованиям. Для преодоления этой проблемы

требуются специальные действия. Например, разработка программы федеральных гарантий для крупных проектов регионального уровня

Предлагается:

Выстраивание конструкции бюджетного правила в рамках концепции «Investment friendly fiscal rule»:

- возможность наращивать инвестиционные расходы вне контура действующего бюджетного правила и финансировать их за счёт заимствований (*Золотое правило*);
- достижение сбалансированности федерального бюджета, очищенного от капитальных расходов (текущего бюджета);
- ограничить бюджетные инвестиции предельным ежегодным объёмом (относительно ВВП) или темпами роста.

Отдельный важный момент этой модели роста реинвестирование доходов секторов с высокой скоростью оборота капитала и новых экспортных производств в расширение высокоэффективных секторов. Анализ показывает, что в российской экономике сохраняется высокая емкость инвестиционных вложений в машиностроении, металлургии, фармацевтике и т.д. В отраслях ТЭК будет сохраняться определенная инерция, связанная с поддержанием добычи на существующих месторождениях и усложнением условий добычи на новых. Значительные объемы инвестиционных затрат будут сохраняться в строительстве и транспорте. При этом опережающий рост инвестиций ожидается в сфере АПК, в том числе на базе изменения используемых технологий сельского хозяйства, и в машиностроении.

Для трансформации ресурсов множества мелких частных инвесторов, готовых вкладываться в рискованные инструменты только на короткие сроки, в долгосрочные вложения с высоким уровнем риска (и высоким потенциальным выигрышем) может быть внедрен институт «**системообразующих**» **крупных фондов прямых инвестиций**, создаваемых крупнейшими корпоративными стратегическими инвесторами.

Для удовлетворения потребности в долгосрочном финансировании компаний с низким уровнем инвестиционных рисков целесообразно развитие (при помощи института крупных банков-маркетмейкеров) **емкого и ликвидного внутреннего рынка синдицированного кредитования**. Обусловит снижение ставок по долгосрочным кредитам таким компаниям до уровня ставок по облигациям и, таким образом, обеспечит им приемлемый уровень долговой нагрузки.

Для удовлетворения потребности компаний и проектов с низким уровнем инвестиционных рисков, высокой общественной отдачей, но с длительными сроками окупаемости (в т. ч. в инфраструктурных отраслях) целесообразно проводить эмиссию **долгосрочных корпоративных облигаций** с одновременным выставлением государственными **институтами развития публичных оферт** на выкуп таких облигаций в определенные периоды по фиксированной цене.

Для компенсации возросших хозяйственных и финансовых рисков императивом является **ускоренное развитие национальных страховых институтов**

Развитием рынка корпоративных облигаций решает и финансовую проблему, потому что у нас довольно сильная «недодолгизированная экономика». И еще более это важно в институциональном плане, - в случае, если финансирование госпроектов тоже будет переводиться на основу эмиссии проектных облигаций. В этом случае, инвесторы вовлекаются в управление госпроектами, определение рисков, формирование механизмов управления проектами.